

Т. А. Кошемчук
«PRO ET CONTRA»
И ДУХОВНАЯ ЛИЧНОСТЬ
МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Елена От<тобальдовна> рассказала мне свой поразительный сон о Вас, состоявший лишь в упорном требовании от Вас ответа: «Макс, скажи имя своё!.. Ну скажи же свое имя!..». Не правда ли, удивительно? Мы все Вас решаем, как загадку, и все никак решить не можем. В самом деле: — Кто Вы? Что Вы?

А. М. Петрова — М. А. Волошину
30 июня 1915 г.

...Мне хотелось бы знать твое впечатление подробнее, и не только за, но и против.

М. А. Волошин — Е. А. Фельдштейн
10 февраля 1914 г.

О Максимилиане Волошине в формате «pro et contra» написать непросто. Хотя на первый взгляд кажется, что именно он идеальный герой серии и что он как раз провоцирует смысловую растяжку между полюсами, и причем как мало кто. Но уже выяснено в огромном проекте «Русский Путь», который давно отметил свое совершеннолетие (год рождения 1994-й) и дал многочисленные замечательные плоды, что в русской культуре едва ли не все ее творцы подлежат этому подходу, так же двойко переживаются на русской почве и европейские имена, и в каждом томе серии говорится о полярности — в восприятии личности и творчества его героя. Так что встает поневоле обобщающий вопрос: возможно ли и должно ли быть иначе? Все ли крупные личности, внесшие свой вклад в духовное созидание, несут в самих себе двойственность, провоцирующую это двоение отражений, или его нужно приписать самой воспринимающей публике? В русском ли мире заложено оно или в той или иной мере присуще всей европейской культуре? И нет ли здесь в самом эвристическом принципе «pro et contra» — схематизма в искусственно растянутых противоположностях — вместо живой органической цельности, соотносимой со стремлением к проникновенному пониманию и ответу на вопрос об имени?

Первые ответы мы обнаружим в концепции серии, в основе ее замысла, а далее и в опыте проверяющего читательского осмысления.

Постмодернистский релятивизм в обозначенном подходе отрицается: «Внешне метода “pro et contra” выглядит постмодернистски, но по сути она противоположна как релятивизму, так и идеологической ангажированности...»¹. Задание полагается в *целостности* видения проблемы, а растяжкой полюсов обозначена в действительности ключевая для нашего времени проблема *самосознания* — и конкретной личности, и культуры в целом, так что в противопоставленности «да» и «нет» выявляется его пробный шаг. Можно попытаться принципом полярности не просто метафорически обозначить многогранность в восприятии творчества того или иного человека, но применить этот подход в сопряжении с вопросом «кто?» — отнести *pro* и *contra* именно к духовной личности того, кто сейчас является нашим героем.

Более: творчество берется — в контексте идеи проекта «pro et contra» — не просто как дело отдельного человека, но — представителя целого: оно дано в большом контексте Русского Пути, в задании его осмысления. По тем жизненным линиям, что прочерчены его создателями, мы, как по линиям ладоней, читаем судьбу культуры в целом, разгадываем ее загадку — в усилии самосознания. В книгах серии со столь ярко декларированным подходом читатель в каждом томе проживает не последовательное нанизывание материалов о том или ином ее герое, но сопрягает из фрагментов целое, структурируемое в соответствии с заданными полюсами и осознаваемое как проблема: творческая личность в ее *ответственном предстоянии* перед культурой. И иначе: культура как воспринимающая среда для творчества одного из ее создателей, так что здесь взвешивается она сама — предстоящая перед одним из своих творцов. Те тома серии, которые склоняются к апологетичности, обедняют наше понимание. Ведь восприятие критика и современника здесь не только зеркало, дающее посильное отражение — символический образ зеркала неизбежен для серии в целом, и, развивая его на уже привычных путях, продолжим: само оно, это восприятие и оценочное суждение современника, есть *отражаемое*, ответственное за свои отражения, оно на фоне своего объекта выявляет свою значимость и становится объектом нашей осмысляющей оценки. Это особенно бросается в глаза в случае Волошина! Что смог увидеть и отразить в Волошине тот или иной имярек... Каждый судящий предстает здесь, вне своей воли, — как оцениваемый. Воочию действует закон, выведенный Волошиным, один из его «парадоксов», а именно его версия христианского императива «не судите»: в осуждении другого есть невольная исповедь, страшная именно своей бессознательностью, ведь

¹ Бурлака Д. Е. Серия «Русский Путь: pro et contra» как метод систематизации и распространения гуманитарного знания // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 3 (68). С. 213.

человек, постоянно подчеркивающий нечто другом, видит именно и лишь то, что присуще ему самому, а в осуждении другого реагирует на свое же неосознаваемое качество, скрытое от собственного внимания.

Итак, нам нужно в предпринятом издании провести нашего героя — Максимилиана Волошина — через самые разнообразные, порой полярные, вплоть до резко негативных, отражения, не утаивая ничего и ожидая вторичного эффекта отраженности зеркала — в предстоящем ему.

Ряд оговорок

Прежде всего: здесь существенное предупреждение, даже целый ряд их, и сначала о том, что читатель видит в самом названии книги: отбираются лишь те тексты, в которых авторы стремятся говорить о *духовной личности* поэта и мыслителя, о тех личностных чертах, которые соотносятся с духовной сферой — не с реалиями жизни бытовой и материальной и не с душевной областью — с чувствами, переживаниями, страстями, но с духовными и мыслительными обретениями, с тем, что Волошин обозначил как путь испытаний, обозначенных символами стихий — земли, воды, воздуха и огня. Или, в иной проекции, речь идет о волошинском прохождении по им самим названным ступеням семилетий: Детство, Отрочество, Юность, Годы странствий, Блуждания, Война, Революция (седьмое семилетие 1919–1926 гг. было означено также «Зрелость»; восьмое, незавершенное, осталось неназванным). Наконец, это и путь по мировоззренческим ступеням: через буддизм, католицизм, масонство, магию, оккультизм, антропософию и православие (так выстраивается этот ряд), — с заданным изначально и развернутым в ходе жизни методом познания мира, из которого и рождается весь духовный космос волошинского многогранного творчества. Целый ряд авторов говорят именно об этом — о мировоззрении поэта и мыслителя, о его подходе к реальности, о становлении его духовного мира, о тех или иных его идеях и в целом о пути, а в конечном итоге — о его миссии в мире. Иногда авторы касаются не только *личности*, даже в духовных ее аспектах, но — *индивидуальности* Волошина. — И здесь уточним термины (можно ведь было бы сделать рокировку этих понятий, *личность* и *индивидуальность*): речь идет, в духе Волошина, об *индивидуальности* как о вечном духовном ядре, о высшем «Я», проходящем через многие воплощения (а Волошин, как с полной очевидностью показано в ряде фрагментов тома, с ранней юности не мог мыслить мир вне закона перевоплощений), и — о *личности* как о малом «я», центре конкретной текущей жизни, — о духовной личности, то есть взятой в ее мировоззренческой, мыслительной, духовной компоненте. Разгадка же волошинской индивидуальности, то есть ответ на вопрос об Имени из сна матери, или же на вопрос «Кто Вы?» из письма

А. М. Петровой, станет возможной, как выразился один из авторов тома, быть может, лишь на Страшном Суде, когда разоблачатся все пути, пути по земле, по звездам и вселенным, — согласно волошинскому пониманию путей человеческого духа.

Разумеется, при этом начальном условии отбора текстов для волошинского тома серии «Русский Путь» — обращенность к духовному Я — составителю приходится оставить в стороне многое (здесь оговорки и выстраиваются в ряд).

Из мемуаристики не входят в том те воспоминания, в которых о Волошине авторы говорят — попутно, а больше о себе («Я и Волошин»), таковых большинство. Но и отобранное включается не целиком, ряд мест (их немало) обозначаются знаком сокращения текста, и именно там, где речь идет о личных коллизиях пишущего, где в центре его внимания — правомерное, конечно, его собственное «я», но в данном случае — все же второстепенное. Часто мемуаристы стремятся показать Волошина через воздействие его на их собственную жизнь, через свои чувства и переживания — в знаке их просветления. Тем не менее не этот подход хотелось бы поставить в центр, хотя порой и он даст о себе знать. Ведь часто составителю просто нечего взять из мемуарного текста, порой очень увлекательного: не удастся выделить желаемое — то, где емко, концентрированно и выверенно давался бы — сам Волошин. Не вовсе отклонены все же ситуации, когда в пронзительной лирике мемуариста не фактически, а аурически ощутимо дан духовный мир Волошина... Все же стремление говорить прямо о главном в Волошине есть критерий отбора, и частыми знаками сокращения — хотелось бы еще раз уверить читателя, к тому же склонного подозревать именно в пропущенном самое важное, — отмечены места, этому критерию вовсе не отвечающие.

Задача составителя, казалось бы, облегчается простым обращением к замечательному сборнику воспоминаний о Волошине, составленному первым и лучшим знатоком его жизни В. П. Купченко², который к тому же инициировал написание ряда воспоминаний, в чем ему наша благодарная память. Но в итоге вниманию читателя в разделе «Современники» предложен фрагмент в 50 страниц, выбранный из более чем 700-страничной книги. Порой пропущенными в ней оказывались места, как раз значимые для нашего издания: сказались и позднесоветская эпоха, когда составлялся сборник В. П. Купченко, и невольная церемонность с «рискованными» фрагментами, и стремление избежать все же негативного материала, и отчасти несовпадение мировоззрений (в изданных дневниках В. П. Купченко видно, однако, что блестящий волошинский биограф по-

² Воспоминания о Максимилиане Волошине / Составление и комментарии В. П. Купченко, З. Д. Давыдова. М.: Сов. писатель, 1990.

степенно приближался к мировидению своего героя³). К этой эссенциальной выборке добавляется восполняющий материал — ряд текстов тех же авторов, что и в сборнике В. П. Купченко, но взятых из иных источников или из тех же, но в иных фрагментах, включающих в себя то, что по тем или иным соображениям было опущено. Несколько таких фрагментов из рукописей, хранящихся в Доме Поэта, предоставлены составителю Н. М. Мирошниченко, но эта обогащающая работа — публикация всего корпуса мемуарных текстов, собранных в волошинском музее, а также и рассеянных в эмигрантской прессе, еще впереди. Можно надеяться, что она добавит существенные штрихи к портрету Волошина и к его *разговорам* последнего семилетия, так поразительно скудно дошедшим до нас.

Приведу примеры — из трудностей отбора. В воспоминаниях волошинских современников для публикации в этом издании отстраняется быт, описания внешней стороны жизни, и, увы... «Макс в вещах»⁴ — тоже оказывается за рамками тома, сколь бы ни были интересны и значимы эти воспоминания Марии Степановны Волошиной, ведь в случае Волошина быт порой дает ярчайшие выблиски духа (здесь отсылаем читателя к первоисточнику). По той же причине приходится отвергнуть то, что непосредственное чувство требует оставить, — один из самых ярких полюсов «contra» в восприятии Волошина — воспоминания Н. Я. Мандельштам, ведь ее глубокое и презрительное неприятие должно было бы отразиться в нашем компендиуме ликов поэта и ценно для понимания главного героя тома, но тема этих воспоминаний Н. Я. Мандельштам, увы, — *кастрюли*... Это и буквально так, и символически: *быт*, ни проблеска духовности в этом волошинском отражении, ярчайшее негативное чувство мемуаристки вызвано — внешним, будь то бытовые предметы или даже — пропавший том Данте. Можно рассмотреть эту эмоцию и как симптом духовного неприятия, словесно не выявленного, но все же как раз эта выраженность существенна для нашего издания.

Разумеется, составитель стремился не обходить и включать без опасений в общий круг самые резкие и подчас ироничные суждения. При условии, что они отвечают хотя бы в малой степени основной теме: относятся не к сфере бытового и мелкого, но к мыслительному, если не к духовному. Так, входит в том как одна из кульминаций *contra* — значительная часть воспоминаний

³ У составителя в памяти многим известное, блестящее, ироничное, в самиздатовских копиях широко разошедшееся «Открытое письмо к В. П. Купченко», написанное Г. Ф. Пархоменко, в котором выражен призыв оставить споры, был ли советским или не-советским Волошин, и обратиться к его действительному мировоззрению. Это был исторически первый шаг в той стране — СССР — к возвращению Волошина в русскую культурную жизнь таким, каким он был.

⁴ Волошина М. С. Макс в вещах // Волошина М. С. О Максе, о Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма / Сост. В. Купченко. Феодосия. М.: Изд. дом Коктебель, 2003.

И. А. Бунина, пронизанных глубочайшим и удивляющим раздражением, и здесь перед читателем стоят, отражаясь друг в друге, две личности как два радикально несовместимых мира, редкий случай полной противоположности — не друг другу всё же, но одного (Волошина) — другому (Бунину).

Еще одно предупреждение о биографической составляющей антологии: читатель найдет жизнеописание Волошина в первой из статей раздела «Волошиноведение», но он не обнаружит в этом томе углублений в широко и многократно освещенные события, даже если они захватывающе интересны, как, например, ярчайше описанная ею самой и не раз пересказанная (и перетолкованная) дружба с Волошиным — Цветаевой. Слово, предоставленное в антологии самой Цветаевой, оказывается весьма кратким, ведь в несравненных ее воспоминаниях духовному в Волошине уделены едва ли три страницы, но значимость их, многократно цитированных, велика. Не много внимания уделяется здесь и экспериментам на «башне» В. Иванова, в жертву которым принесена любовь Волошина и М. Сабашниковой: все это в интимнейших подробностях не раз прослежено ивановскими и волошинскими биографами. Также и блистательной истории Черубины, тоже изрядно перетолкованной... Добавим в перечень незатронутого и иные сюжеты, такие как история «репинского скандала» или, из поздних, спасение генерала Маркса. Увы, читатель — так уж выходит — не найдет здесь всех этих остросюжетных историй. Но разве не гораздо более острым и захватывающим оказывается постижение духа и судьбы поэта — лика его Я, даже и через малые, обнаруженные здесь и там отблески.

Важнейшее и вытекающее из предшествующего предварение: в воспоминаниях современников представлены в основном не цельные тексты, но лишь фрагменты, несмотря на то что фрагментарность цитирования может раздражающе действовать на заинтересованного читателя, ведь при вычете всего внешнего от мемуарных текстов остаются именно отрывки, в которых авторам удается прикоснуться к духовному в Волошине. Сколь часто: сделана заявка, что-то схвачено существенное, и кажется, вот-вот автор приведет нас в самое средоточие темы, но... увы, он уже, едва начав, обращается к иному... И приходится ставить все тот же знак сокращения. Собственно, составитель мог бы обозначить мемуарную часть тома именно как «Фрагменты»... И так же — целый ряд статей из раздела «Волошиноведение».

Нужно сказать несколько слов и о характере комментариев и примечаний: часто за основу взята кропотливая работа, проделанная уважаемыми коллегами, в первую очередь при издании замечательного собрания сочинений Максимилиана Волошина под скрупулезной редакцией А. В. Лаврова, а также и в иных изданиях, ставших источниками текстов. При этом сохраняются лишь самые необходимые сведения; биографическая составляющая комментариев сокращена (с тем отсылаем читателя

к двухтомнику В. П. Купченко «Труды и дни Максимилиана Волошина»⁵), но усилена в необходимых местах мировоззренческая компонента, в частности сделаны необходимые отсылки к текстам Р. Штейнера.

Далее оговорим некоторые особенности литературоведческих разделов антологии. В соответствии с законами жанра предисловия к тому серии «pro et contra», подобает дать краткий обзор литературы о Волошине. И здесь задача составителя упрощается: остается лишь с благодарностью сослаться на труды волошиноведов, уже осуществивших эту важную работу обобщения — как в русских (С. М. Пинаев), так и в зарубежных⁶ (С. И. Кормилов) контекстах. Одну из обзорных статей читатель найдет в антологии, и оба автора восполнят неизбежно ограниченные возможности одного тома и укажут читателю на недостающие статьи и материалы.

Продолжим предварение: о том, чего *не* будет в литературоведческом разделе тома. Не будет — многого из круга волошиноведения. Прежде всего — сочинений, не считающихся с требованием точности — произвольных фантазий ради самовыражения, философствующего оригинальничанья, вроде *Макса-Савельича* со своим *тулупчиком* (культурой), или Макса — носителя своей религии «*Максизма*», или выдуманного «*человеко-человека*», который будто бы главное для Волошина (а не Богочеловек)... или творчества, якобы в волошинском понимании, как *беседы с дьяволом*... равно как и Макса, *взыскующего сатори*... Вообще эссе околофилософские или литературоведческие, в которых автор решает свою личную проблему, привлекая Волошина в качестве материала или как иллюстрацию, будь то тема подсознания или безумия, где Волошину отведена роль: включиться в разноголосицу мнений и цитат — или эссе разоблачительные якобы с позиции православия, где в каждой фразе обнаруживается ради развенчания серебряного века — смесь правды и ее перетолкований, или хуже — на основании перетолкований и путаницы призывы к *анафеме*. Невозможно вновь публиковать и материалы заведомо, безусловно ошибочные (как, например, доказывающие, что *два демона* у Волошина есть *один*). Но... при этом нельзя не включить — согласится ли читатель? — рискованную фантазию о Максе-кентавре. И уж никак не обойтись без Макса-Посвященного, с дарами зодиакальных созвездий. Представляется все же допустимым — с апелляцией к читателю философски настроенному

⁵ Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002; Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб.: Алетейя; Симферополь, Сонат, 2007.

⁶ Анализ зарубежных публикаций, остающихся в значительной степени вне поля зрения этого издания, за немногими исключениями, сделан С. И. Кормиловым в статье «М. А. Волошин в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов». См.: «Творчество Максимилиана Волошина: Семантика. Поэтика. Контекст» / Под общей ред. С. М. Пинаева. М.: Азбуковник, 2009. С. 232–247.

и внимательному к искажениям идей исследуемого автора — осмыслить и более чем проблематическую версию: Волошин как создатель *культа* Аполлона в пику В. Иванову с его культом Диониса.

Добросовестные и буквальные пересказы идей поэта в филологических статьях, порой яркие, ибо яркие и действенны сами волошинские идеи, тоже остаются в стороне. Как и многочисленные тексты в жанре «Волошин и...», где обнаруживаются по тому или иному вопросу внешне как будто сходные суждения, волошинские и еще такого-то. Кому-то из исследователей видится сходное у Волошина и... у Тейяра де Шардена или у Волошина и... Шолохова. Эти мнимые или несущественные сходства в подобных школьных сопоставлениях ничем не обогатят нашего понимания, ибо всё похоже на всё. Но и здесь есть сюжеты, в которых затронуто нечто существенное в волошинском мировидении.

Не включаются в антологию сопоставления отдельных символов и мифологем, когда у Волошина что-то «напоминает» чью-то мысль или «напрашивается» такое-то сравнение, когда волошинские идеи «берутся» оттуда или отсюда, а сам он их «складывает», «комбинирует», «переходит» от одного источника к другому (например: от Ницше к Фрейдю и далее к Штейнеру...), — подобный литературоведческий подход характеризует определенный уровень восприятия, когда из разных зданий выхватываются лишь отдельные мнимо сходные кирпичики, по причине невидения *целого*, и, как отметил один из авторов сборника, — согласно методу демона — волошинского, одного из «Двух демонов», который говорит о себе: «Я призрак истин сплавил в стройный бред». За этим слишком привычным в современной филологии подходом стоит невнимание к мысли, а в основе — неумение усмотреть за волошинскими творениями волошинского же познавательного и художественного метода, когда главным источником творчества является Я поэта, претворившее все «влияния» (а они есть вообще *всё* прочитанное, увиденное и узнанное) и оставившее их глубоко в сфере *забытого*.

Сказанное относится и к мифопоэтике в целом, этот подход почти исключен — как характерное для нашего времени филологическое «перепутывание всего со всем» (словами С. С. Аверинцева).

Отступление о мифопоэтике

О, разумеется, к текстам Волошина требуется скрупулезный историко-культурно-мифолого-философско-религиоведческий комментарий... Не произвольно выбранные ассоциации из доступного исследователю круга. Но со строгим отбором существенного для конкретной волошинской идеи в спектре ее избирательного сродства — и это лишь предварительный шаг к точному пониманию. В качестве развернутого примера — загадочные строки из «Lunaria»: «И пленных солнц рассыпется прибой / У бледных

ног Йошуа бен Пандира». Можно прокомментировать «Бен Пандира» по всяческим энциклопедиям (как в иных статьях) и по первоисточнику (Талмуду), и это именно первый шаг. Можно подробно развернуть те или иные ассоциации, например «бледные ноги», где в центре внимания окажется не сама волошинская изысканная постройка «Lunaria», но... пикантная брюсовская строка «О закрой...» — ради легкого иронического штриха в сложнейшей гностической концепции. Но далее, после комментария как описания внешне сходного, если речь идет именно о Волошине, необходим (и это второй шаг) — антропософский комментарий, ибо слишком хорошо известно, что волошинские концепции импульсировались штейнеровскими сообщениями. И тогда станет понятно, что у Волошина Пандир — не талмудическое восприятие Христа, а некий высокий дух, воплощенный в I веке до нашей эры, глава общины ессеев, предвещавших Христово пришествие, о чем сообщает Штейнер: эта индивидуальность хорошо известна в оккультизме (но также и внешне, через талмудическую литературу). Он был побит камнями за ересь (GA, 123, 4), согласно которой ожидался новый импульс для человека на земле, так что его «я» не утратится с концом земного существования (GA, 123, 8). Если учитывать этот известный Волошину факт, тогда невозможно будет преподнести его сонет как «перверсию»⁷ христианской эсхатологии. Но, хотя этот антропософский комментарий и сделает смысл и подтекст образа яснее, не даст еще уразумения волошинской мысли в ее самобытности... Ведь далее — третье — нужно понять саму волошинскую идею, как она есть, например, в такой грани: зачем Волошину нужен Бен Пандир в теме Суда. Почему острие его мысли здесь не Христос, не Богочеловек, а человек. Ведь Волошин говорил о венке «Lunaria», что *там все обосновано и многое угадано*: поэзия (читаем: волошинская поэзия) не пересказывает известного (что только и способна учесть мифопоэтика), а стремится в область незнаемого; она не иллюстрирует оккультные истины (и уж тем более мифологические сведения), а угадывает, открывает новое в области оккультного. Таково волошинское понимание (своей) поэзии. И когда один из авторов сборника вскрывает оккультную ошибку в венке (что читатель найдет в статье тома), — это уже шаг за пределы антропософского комментария (кто еще решится на оккультную поправку?). И в литературоведческих, и в специально антропософских работах составителю важно найти подобное понимание (ведь и антропософы подчас лишь указывают на сходство). В нашем примере: Бен Пандир — не сниженный в талмудической версии Христос (это мы поняли на основе комментария), но: Его предвестие, слабый проблеск; Пандир есть посвященный, носитель

⁷ См.: Полонский В. В. Брюсовский подтекст в венке сонетов «Lunaria» // Творчество Максимилиана Волошина: Семантика. Поэтика. Контекст: Сборник статей. М., 2009.

мудрости в лунном ветхозаветном строе, дающем отраженный «бледный» свет в до-Христовом мире — предшествующий Христу и предвещающий его. Ведь и Луна — давнопрошедшее земной истории, согласно антропософскому знанию, как и Ягве, лунное (окультурно) божество, и если Земля идет дальше, то с Луной ее связывает прошлое, — и здесь мы еще в контексте антропософского комментария, пусть и предельного... а нам нужно учесть тонкие смыслы волошинского образа, того нового, что дает именно он... Пандир, человек, оказывается достаточен в своем лунном и бледном лике в теме Суда — над всем космическим прошлым, над «прибоем» звездных миров, в ритмичности которого Луна есть знак предшествующего земного воплощения — все это исчезнет, изменится, *рассыплется*, с прекращением земного этапа. Об этом ракурсе прошлого ведется речь у Волошина — об обращенности Земли к лунному прошлому и Суда — к общности Земли и Луны в этой величественной космической драме: их, когда-то единых и затем разделенных, оденет вновь «единая порфира». Не о судьбах человека, представшего перед Судьей (об этом у Волошина в цикле «Путями Каина»). И тогда не нужно будет размышлять, почему человек пришел на суд к Пандиру вместо Христа, и делать обличающий вывод о «перверсии» и об отрицании Волошиным Спасения. Ведь у Волошина в лунном контексте звучит тема сворота вселенной — здесь, как выразилась однажды Е. Герцык, «эзотерическое углубление» космической истории. В волошинской концепции к Солнцу-Христу обращен иной и будущий лик Земли. Второе Пришествие Христа у Волошина: «Он придет не в силе и не в славе...»; найдем мы у него и о восстании мертвых в стихотворении «Суд»: «И каждый / Внутри себя увидел солнце / В Зверином Круге... / И сам себя судил». О заступничестве Божьей Матери перед Сыном — за человека и за все творение: «...чтоб не сгинул ни единый / Ком пронзенной духом глины...» — Она удержит «руку Сына / От последнего проклятья, / Невозвратного Суда». И в этих ракурсах единой темы, которую необходимо обозреть сразу всю, не принимая фрагмент ее за целое, всю волошинскую историю Космоса, венец которой Суд, — Пандир, конечно, невозможен. Но и в этом лике Человек (Пандир) выше космоса, который весь как волны, бегущие к его ногам. Этот образ показателен не только как пример трудной интерпретации, но и как иллюстрация к всеобъемлющей волошинской космофической мысли. Да, здесь «все обосновано», и все же... Волошин ощущал проблематичность «Пандира», так хорошо рифмующегося со словом «порфира», это становится понятным из контекста его споров с М. Сабашниковой, которая упрекала его в путанице и отступлениях от учения Штейнера о Луне, ведь соединил Пандира с Луной (он как Луна перед Христом-Солнцем) сам Волошин, у Штейнера впрямую этого нет, и Маргарита возмущена именно тем новым, что дает волошинское интуитивное прозрение. Но в итоге Пандир Волошиным у себя — оправдан.

Здесь же, завершая начатые предуведомления, подчеркну еще раз, что не комментаторские упражнения мифопоэтического характера включаются в антологию, но важно прежде всего стремление к пониманию за пределами комментария, и сохраняются здесь у некоторых авторов малейшие на то намеки. Попытка же литературоведческого анализа исходя из... астрологического гороскопа Волошина (читатель обратит на нее внимание) представляется особенно продуктивной, при всей ее эпатажности: творчество поэта взято не как набор тем и мотивов в лирике и не как мифопоэтический комплекс, а как ряд духовных воздействий «созвездий правящих», небесных Иерархий, отраженных в творчестве духовных импульсов.

Итак, слишком многое на первых подступах к серьезному волошиноведению оказывается за рамками этого тома.

О книге отражений

Останется ли что-нибудь, если исключить все вышеперечисленное? Есть опасение, что, увы, немногое. Это покажет сама антология. Хочется выразить надежду, что в целом плоды есть и что в понимании Волошина сделаны существенные шаги, и как кульминации тома можно обозначить немногие статьи — настоящие шедевры понимания. Читателю предстоит оценить их, эти волошинские отражения в его исследователях — как уже было высказано, в процедуре двойной проверки, главного героя антологии, находящегося в центре круга, и каждого, персонально, кто высказывается о нем.

О Волошине же, как и о любом другом герое серии: это проверка на качество и прочность — стояние в центральной точке своей Книги отражений. И обратное. Но что обретем мы, читатели, в результате? Прежде всего, наша любовь и признательность к герою тома или наш интерес к нему, раз уж мы держим в руках эту книгу, — должны тоже претерпеть проверку на глубину и верность, если мы воспримем полярные мнения любящих и неприемлющих. Не усомнимся ли мы? Ведь вопрос о продуктивности «pro et contra» нужно осмыслить и в пространстве *любви* — если мы пребываем в контексте православно обоснованной русской культуры, питающейся именно религиозными соками. Ведь *филология* и *философия* (и не закрепились по-русски иные подобные имена, но только для этих наук о духе) предполагают, по сути, пусть и при претензиях на научность и объективность, — *любовь к слову и к мудрости*, с которой только и можно относиться к живому, к тем сферам, где личность, свобода и судьба. И при этом нужно ли это вообще для *моего чувства и моего понимания* — моя включенность в полюс «contra»? Ведь порой отрицания глубоки и жестоки — жесток вообще русский полюс *contra*, и порой просто свирепы отрицания, и даже иногда чем ближе отрицаемое, тем жестче оценка. К тому же и дружеская развязность в *pro* порой сквозит такими резкими выбросами, иронически-

предательскими в своей безудержной правоте пассажами, каких немного и в *contra*. Всё это придется прочувствовать в подборках мемуарных фрагментов, пройти через эти любви, противочувствия, коварства (и видно теперь, что о некоторых из них Волошин и не подозревал — но знаем мы⁸), и это есть испытание, нешуточное для души.

Но удивительно, что в этом круге *точки* приятия или ненависти складываются из последовательности в томе (чаще всего хронологической) — в некую иерархию восприятий, так что здесь никакой подобающей толерантности, никакого безразличного объективного равенства точек зрения (все это пустой звук в духовной сфере), не многообразие равноценного, но именно *иерархия*, и круг трансформируется в восходящую лестницу отражений — отношений и пониманий! От внешних (порой просто мелких и плоских) — к глубоким и высоким по чувству и мысли, от замутненных зеркал — к точным, наконец к прямым попаданиям и конгениальным проникновениям; при этом *за* и *против* укладываются в эту иерархию совсем не как схематические полюса распределенного между ними материала, но много сложнее эта система ценностно соотнесенных взаимоотражений одной фигуры и ряда душ, — зеркал чистых и кривых, ближних и дальних, четких и ясных, расплывчатых и нарочито искажающих... Отражения, накладываясь друг на друга без уничтожения оттенков и без слияния в неразличимость, вместе создают удивительную и подчас мучительную игру граней... и порой в ней дальнейшее отражение рождает ослепительный проблеск, а ближнее и приемлющее затуманивается. И чем очерченней полярности, тем ярче вся картина. И тем полнее утверждается, пройдя через эти взаимные отраженности, *моя* изначальная признательность и *мое* возрастающее понимание.

По крайней мере, понимание того, как много еще непонятого и неизвестного в знакомом нам поэте Максимилиане Волошине. Читатель найдет в томе ключевые фрагменты уже высказанного главного о нем. Знаток же волошинского творчества, которому известны многие из опубликованных под одной обложкой работ, — сможет оценить сведение воедино их эссенций и, что важнее, найдет в последней части этого тома — думается, обретения здесь гарантированы — ряд статей, написанных или подготовленных специально для этого издания, помеченных 2017 годом.

Можно обобщить опыт ряда читателей, отмечающих этот эффект при чтении томов серии: в знакомой фигуре высвечивается, вдруг и неожиданно, нечто новое при пристальном и неспешном чтении одной статьи за другой в заданном формате *pro* или *contra*. Можно отметить: всякий раз в разных

⁸ Поразительные дружеские «*contra*», за гранями приличий, обнаруживаются при внимательном взгляде в томах «Трудов и дней», например, в отзывах А. Н. Толстого и И. Эренбурга.

томах общая конфигурация иная, в зависимости от отраженной фигуры и от того мастера-составителя, что в жизненном ходе сопрягает зеркала, располагает эти отражающие грани. Роль же составителя антологии, быть может, и существенна, но — не решающая. Сами рожденные приведенными текстами соотношения делают свое дело в заданном ракурсе восприятия «*pro et contra*», сопрягаясь своими собственными, не навязанными составителем смыслами. Как ни странно, даже если бы составитель, ведомый симпатией к своему герою, сознательно стремился окрасить смысловое пространство в один позитивный тон, то и в подобной нарочито однотонной подборке некие неучтенные нюансы вдруг неизбежно проблематизировались бы в русле заданного «за и против»... они и подталкивают тогда к странным обобщениям. Предложенный вектор восприятия «*contra*», если он не находит себе прямого материала, обретет его — в деталях, непредусмотренно, даже в самих некоторых отсутствиях и умолчаниях.

Но еще важнее здесь — отмеченная обратная отраженность: скажем, лично *мне* неприятный (или даже неприемлемый) текст о любимом авторе, попадая в это смысловое пространство, — сам судит себя. Не только главный герой книги, один — во многих, в своих биографах, исследователях, сторонниках, поклонниках, противниках, хулителях, но они — малые и большие, светлые или темные зеркала — *в нем* — порой саморазоблачительно свидетельствующие о своем провале. *Мне* не хотелось бы рискованных «против»? И вот я вижу, что это *не опасно* — негативные отраженности оборачиваются, в общем смысловом поле, — на себя, и чаще всего — на свою малость. Я полагаю опасность в апологетичности? — но, вопреки воле составителя, накладываясь друг на друга, малые сомнения и вопросительные знаки отдельных суждений обретают вес и силу, так что фигура все же, вопреки поволенному, скажем, «планетарному» значению превозносимого мыслителя, оказывается лишь местнозначимой.

Предварение последнее

По ходу тома читатель может проследить смену волошинских отражений в разные эпохи, начиная с высказываний поэта о самом себе и с мемуарной подборки. В последнюю не вошло многое из доступного нам живого, жизненного материала второго круга — дневников, писем к Волошину и о Волошине. В них его духовная личность открывается в новых гранях, *pro* и *contra* в душах разных людей из волошинского окружения, разгадывающих подчас загадку его личности (*Кто Вы? Что Вы?*), его имя (*скажи имя свое!*), расцвечены многими оттенками — и в противочувствиях, и в идейных противостояниях или сближениях, и в приятии или неприятии всей его судьбы. Все эти размышления о жизненных *pro* и *contra* составитель выносит в отдельную статью последнего раздела антологии.

Следующая за мемуарной часть — «Изгнание» — представляет собой, за малым исключением дружеских отзывов, уже несущих в себе явную дань советской цензуре, идеологизированное *contra* 20-х годов, подчас на грани с доносом, однако и она имеет своеобразное отношение к духовной личности Волошина. Это зеркало самое кривое, но имеющее свою жесткую логику отражений при отрицании самой возможности отражаемого. *Contra*, начиная с 20-х годов, прочно утверждается в партийной литературной критике — клишированная безмыслием новой эпохи агрессивная зловещая гримаса: «классовый враг», с надменным превосходством поучения: *не понял, не смог понять* — революцию и роль пролетариата. Этому «*contra*» (не случайно именно этим словом, буквально обрекающим на смерть, обозначался враг новой власти) суждено будет господствовать более полувека, и здесь опосредованно дается малая историческая правда: разумеется, Волошин — *враг и чуждый элемент*⁹... Но весьма своеобразный. Раздел «Возвращение», при его, казалось бы противоположности, в действительности выражает подобное же: эти защищающие Волошина суждения, ради его возвращения в литературу после десятилетий замалчивания, призваны доказать, что Волошин — свой, советский, что его можно печатать. Это прямой негатив к прошедшей эпохе, утверждавшей, что он не свой, а «буржуинский». Разумеется, *свой*, но весьма своеобразно *свой*. Советские штампы обратимы: первые, угрожающие, и вторые, лукавые, вывернутые наизнанку, хоть и для благой цели, так что порой не поймешь, это *pro* или все еще скрытое *contra*. Порой неясно: это еще длящееся «изгнание» или уже замысленное «возвращение»: просто напомнить имя, пусть и в отрицательном ключе, опубликовать хоть что-то, к примеру о дружбе с Горьким, еще раз назвать печатно почти запретное имя, сказать, что не совсем *враг*, хоть и *не понял*... Так или иначе, тексты этих двух разделов остаются лишь экспонатами нашего исторического прошлого, и о них здесь только попутно, лишь выразив — признательность ли? — или просто высказав понимание их тактики — тем авторам, кто потрудился ради Волошина в условиях и по правилам своей, советской эпохи. Нужно также отдать должное зарубежным публикациям этого времени — у сыгравшего свою роль рубежа, 100-летия со дня рождения Волошина. Эта дата была толчком и оправданием для организации у нас в стране первых «Волошинских чтений», а далее началом серьезной и трудной работы филологов.

⁹ После статьи Б. Таля в журнале «На посту» Волошин уже неизменно, стабильно «чужой», это звучит походя в редких упоминаниях о нем как само собой разумеющееся. Так, некто Авербах, устраивая разнос Луначарскому за его непартийную пьесу, недопустимую для «ответственного товарища», хотя и — оговаривается критик: «...можно относительно сдержанно относиться к Пильнякам и Максимилианам Волошиным и другим *чужим*...» (Авербах Л. Невольная рецензия // На посту. 1924. № 1. С. 239–242).

Подводя итоги, читатель может задаться вопросом: что же в результате этих десятилетий поняли у Волошина, в Волошине — мы, уже не ограниченные давлением исторических прессов? Охватить его творчество и судьбу в свою меру, в соответствии со своей способностью отражать — стремятся отобранные статьи раздела «Волошиноведение», философские и литературоведческие, с позиций атеистических, масонских, претендующих на объективность и научность, антропософских, православных, с позиции «про» или «контра», порой с детальным проникновением в биографические детали и творчество, и — вершинно: с позиции, подобной волошинской, *взирая с высоты* на его земное странствие.

Статьи этого последнего раздела собраны составителем не по страстию личного вкуса, и не как лучшие со своей точки зрения, и, конечно, не по «весомости» имен — но как коллекция разных отражений Волошина — в нас, так что в целом здесь видится поучительная картина разных попыток постижения, отнюдь не всегда удавшихся, но при этом отражающихся друг в друге, так что лучшие из них вызывают к соединению: строгого анализа, личного проникновенного и пронизывающего чувства и, наконец, высоких взлетов понимающей мысли.

По словам одного из авторов антологии, мы можем чувствовать себя счастливыми, что обращаемся к Волошину, уже не ограниченному земной жизнью, но можем постигать его в эссенции его посмертия. Думается, антология выявит действительное понимание, каковое было недоступно для волошинских современников, не имевших еще временной дистанции и полного охвата. Ибо — говоря словами Волошина: лишь смерть дает последний и решающий удар резца, высекающего лик судьбы. Живому постижению Волошина, разгадке его духовной личности, нам, ныне, в ином столетии живущим, предстоит учиться и далее. Ведь уже давно *изменились его портреты* и духовная личность его проявилась вполне в своей сути — через его творчество, очистившись от бытового и случайного (того, что давало порой поводы к личным *contra*), — сущность же его для тех, кто может ее коснуться, — всегда в зоне *pro*, то есть, в волошинском духе, в зоне *понимания*.

Отсюда сам принцип «pro et contra» раскрывает еще одну свою грань: под знаком *contra* человек может быть рассмотрен лишь с отстраненной точки зрения, в поле деталей (конкретных проявлений в жизненной цепи), но не целого (судьбы), объяснения, но не понимания. Само по себе *contra* может быть продуктивным в частностях конкретной жизни, в несовершенствах и ошибках — ради их преодоления. Так Волошин, посылая свои стихи своим друзьям, стремился обрести не только похвалу, но и критику, значимую лишь при понимании замысла, он вслушивался внимательно в замечания друзей, признавал их правоту — и изменял свои стихи по своему, чтобы замысел проявлялся в полной мере, или *не* менял в них ничего. Как текст, так и отдельная жизнь могут быть и неудавшимися,

но *этот* текст включен в целое творчества, а *эта* жизнь — в целое индивидуальной судьбы. Нельзя переоценить критику, то есть *contra*, если она нисходит из целого — в частности, порой не выражающие или затемняющие замысленное. Слепое же и тотальное *contra* предстанет правомерным лишь для типов сознания, отвергающих божественное бытие. Индивидуальность человека не может быть — как сотворенное Творцом — рассматриваема в знаке *contra*. Быть может, поэтому многие авторы вступительных статей в серии «PRO et CONTRA», глубоко погрузившись в судьбу своего героя, вольно или невольно окрашивают свои размышления в тона приятия. Ведь смутно угадываемая или тем более прозреваемая сквозь конкретность данной жизни — человеческая *индивидуальность* в цепи своих личных жизненных вариаций-воплощений — задает тональность продуктивного «да» (то есть: *понимания*) и по отношению к конкретике *личности* в ее недавней жизни, со всеми ее неизбежными (порой драматическими) несовершенствами. Этому, в конечном счете, продуманно следовал Волошин (о чем с очевидностью говорят его письма), с его приятием *всех* людей, которых судьба приводила к нему. Всех, включая того комиссара («зверь зверем»), с его расстрельными списками: видя Волошина, стоящего на коленях перед иконой и молящегося, комиссар спрашивает: «Что ты делаешь, старик?» — «Молюсь». «О ком?» — «О тех, которых ты убьешь сегодня, и за тебя!». «За меня? Зачем молиться за меня?» — «У тебя черная душа, и страшная тяжесть лежит на ней. Кто будет молиться за тебя, если не я?» — так передает рассказ Волошина Мария Авинова в своем «Странствовании через ад». И это кульминационное «про» — такой волошинский подход к человеку. Но мы встречаемся с лучшим — с творцами культуры, оставившими в ней значительный след, когда обращаемся к томам серии «Pro et contra». И правы те авторы предисловий к антологиям, которые с трудом нисходят к требованиям научной объективности... Конечно, если при этом в сборнике — *зеркале зеркал* — дается читателю вся многогранность отражений без сокрытий и умолчаний.

В ряде статей волошинской антологии мерцает, а порой и ярко вспыхивает предчувствие волошинской индивидуальности, и вызванная их авторами *властительная тень* поэта не может не являться на зов *приверженности и благодарности* (так обозначил понимание один из друзей Волошина). Ведь понимание дарит освобождение для нового, более высокого творчества, понимающие *здесь* творят невиданное еще будущее, грядущие пришествия и духовные дары. Думается, в этом высвечивается таинственный смысл нашего *про*, рождающегося в полярности осмыслений как высшее задание в осуществленной серии «PRO et CONTRA».

